

Дячук Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург,
Россия)
E-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru

Diachuk Tatiana Vladimirovna

PhD (Philology), associate professor,
The Herzen State Pedagogical University
(St. Petersburg, Russia)
E-mail: dia4uk.tanya@yandex.ru

**«ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ» ИЛИ
«ЖИТИЕ»? (БИОГРАФИЯ
Г.И. УСПЕНСКОГО В МЕМУАРАХ
И СОВРЕМЕННОМ ПРОЧТЕНИИ)**

**“THE CASE HISTORY” OR
“THE LIFE OF SAINT”? (THE
BIOGRAPHY OF G.I. USPENSKY
IN MEMOIRS AND MODERN
INTERPRETATION)**

Аннотация. В современной филологии возрождается интерес к Г.И. Успенскому. При этом в фокусе исследований оказывается личность самого писателя. Повышенным вниманием отмечена история болезни Успенского, зафиксированная в записях психиатра Б.Н. Синани и переосмысленная в мемуарной литературе. В настоящей статье анализируются постструктуралистский и традиционный подходы к пониманию творческой индивидуальности Успенского.

Abstract. The writer G.I. Uspensky excites the attention of researchers again. The record of Uspensky's illness, kept by Uspensky's psychiatrist Dr. Boris Sinani (so-called «The Diary» of Doctor B.N. Sinani) and rethought in memoirists attracts particular interest. This article analyzes the traditional and post-structuralist approaches to the personality of Uspensky.

Ключевые слова. Г.И. Успенский, биография, мемуары, подвижник, житие.

Key words. G.I. Uspensky, biography, memoirs, ascetic, life of saint.

Введение

Современные читатели редко обращаются к творчеству Г.И. Успенского. Еще в 1902 г. – сразу после смерти писателя – А.С. Глинка-Волжский констатировал: «Успенского поразительно мало читают и еще менее серьезно изучают. Прямо можно сказать, что его гораздо более уважают, чем читают и изучают» [1, с. 4]. Спустя век ситуация мало изменилась. Как справедливо утверждает современный исследователь Н.А. Шипилова, Успенский и сейчас не до конца «прочитан» [16, с. 10]. Находясь на периферии науки о литературе, творчество Успенского сегодня подвергается неожиданным интерпретациям, «освобожденным от ряда стереотипов и привычных клише, свойственных советской эпохе» [5, с. 4]. При этом на первый план выдвигаются биографические мотивы его литературного поведения. В настоящей статье речь пойдет о том, как Успенский воспринят современной филологией.

Основная часть

Интерес к писателю Успенскому, отмеченный в 1950–70-е гг. появлением многочисленных кандидатских и докторских диссертаций, к концу 1980-х постепенно угасает. В 1990-е гг. филологическая преемственность сохраняется лишь благодаря отдельным исследователям и публицистам. Так, в эти годы новые возможности в

изучении поэтики писателя были открыты Г.В. Старостиной [12]. Личность Успенского предстала – в публицистике О.В. Давыдова – созвучной постперестроечной эпохе [3].

В начале 2000-х Успенский оказался вовлечен в острейшую дискуссию по «еврейскому вопросу». В значительном удалении от родины писателя – в Новой Зеландии – профессор русской литературы университета Кентерберри Генриетта Мондри издала книгу под названием «Писатели-народники и евреи: Г.И. Успенский и В.Г. Короленко: по следам "Двести лет вместе"» (перевод и издание на русском языке в 2005 году). Как утверждает Мондри, Успенский заслужил репутацию правдивого писателя. Поэтому его очерки считались «аутентичными свидетельствами действительного» [9, с. 27]. Мондри спорит с А.И. Солженицыным, который в книге «Двести лет вместе» причислил Успенского к юдофобам. По мнению исследователя, Успенский оказался в «попутчиках антисемитского дискурса» [9, с. 12] по недоразумению. Мондри обвиняет Солженицына в том, что тот мало читал Успенского. В доказательство она приводит очерки «В балагане» (1865) и «День нужды и скуки» (1865, в другой редакции «Жиденок»), «Крестьянин о современных событиях. Заметка по поводу еврейских погромов» (1882), где Успенский сочувствует нелегкой участи евреев в царской России. Незнание произведений Успенского, таким образом, становится аргументом в идеологическом споре. Справедливости ради заметим, что тот же упрек можно адресовать и самой Мондри. Например, исследователь не упоминает о III очерке из цикла «Письма с дороги» [14, с. 324–325], ставящем под сомнение юдофильские симпатии Успенского.

Следующей книгой Мондри стала “Pure, strong and sexless: the peasant woman’s body and Gleb Uspensky” (2006). В качестве материала исследования были выбраны очерки Успенского, в том числе и малоизвестные, а также письма, мемуары современников и «Дневник» Б.Н. Синани – врача, лечившего Успенского в Колмовской психиатрической больнице (документ был впервые опубликован в 1939 г. со значительными купюрами). Исследователь сочла необходимым поместить в «Приложении» переведенный на английский язык «Дневник» Синани. Таким образом, история болезни Успенского предстала в качестве медицинского документа, подтверждающего выводы ученого.

Мондри деконструирует аскетизм Успенского – черту, отмеченную многими мемуаристами, – объясняя его подспудными сексуальными страхами писателя. Согласно Мондри, ужас Успенского перед телесностью связан с заболеванием писателя, полученным им в 1860-е гг. (речь идет о сифилисе). Страдая физически и нравственно, Успенский ищет в современном мире целомудрия. Поиск непорочного Другого (unspoilt Other) приводит писателя-народника к русской крестьянке: целомудренной, трудолюбивой, асексуальной. В изображении крестьянского тела Успенский последовательно отвергает женскую сексуальную привлекательность, стремясь к мужеподобности (“she had to be man-like” [17, с. 183]). Мондри по-новому интерпретирует «боевой манифест демократической эстетики» [10, с. 641] – очерк Успенского «Выпрямила». По словам исследователя, писателю предстояла поистине геркулесова задача – отвергнуть сексуальное в Венере Милосской, издавна отождествляемой с самой идеей любви. Намеренно игнорируя «женские прелести» Венеры Милосской, насыщая ее литературный портрет маскулинными чертами, Успенский стремится к созданию идеального образа андрогина, свободного от мучительных требований пола. В Венере Милосской, явленной в очерке «Выпрямила», угадывается (по версии Мондри) образ распятого Христа.

В трактовке Мондри Успенский оказывается едва ли не самым радикальным среди русских мыслителей конца XIX – начала XX вв. – Л.Н. Толстого, В.В. Розанова,

В.С. Соловьева, Н.Ф. Федорова – тех, кто размышлял над проблемой половой любви и деторождения. Суммируя итоги своих научных поисков, исследователь утверждает: Успенский – это писатель, посвятивший себя постижению «Другого» в самых разных аспектах: этническом (евреев), сексуальном (женщина), социальном (русский крестьянин) [9, с. 6].

Иную тенденцию в восприятии Успенского представляет изданная в 2008 г. книга доктора филологических наук В.Б. Смирнова – «Житие святого Глеба». Повествование ведется от лица вымышленного персонажа – писателя Ивана Силыча Харламова, друга и земляка Успенского. Автор романа осовременивает своего героя, доверяя ему рассуждения о «трансформациях в характере Глеба» [11, с. 374] и «о том, какую роль играют гены в человеческой психике» [11, с. 370]. Рассказчик играет роль посредника в пересказе многочисленных документальных свидетельств: писем, мемуаров и критических статей современников Успенского. Восполняя деталями исторический фон, Смирнов включает в свой роман и почти дословные пересказы произведений Успенского. Например, рассказ о визите рассказчика на дачу к Успенскому в деревню Сопки повторяет первые главы очерков «Из деревенского дневника». Пятая глава («Встреча с исполином») представляет собой монтаж фрагментов мемуаров И.И. Ясинского, С.Н. Кривенко, Н.Н. Златовратского и Н.С. Русанова – участников беседы с И.С. Тургеневым.

Однако значение книги Смирнова не исчерпывается актуализацией документальных и художественных текстов, связанных с личностью Успенского. Смирнов возрождает саму традицию восприятия Успенского, сложившуюся в начале XX века и прерванную в советское время. На это указывает жанровый подзаголовок – «роман-воспоминание». Проследим историю появления этой традиции в мемуарной литературе об Успенском.

Известно, что последние десять лет жизни (1892–1902 гг.) Успенский безуспешно боролся с мучительным психическим недугом. История болезни Успенского явилась истоком для его последующей «канонизации» в мемуарах современников. Первый и решающий вклад внес близкий друг писателя, литературный критик Н.К. Михайловский. Работу над «Материалами для биографии Г.И. Успенского» Михайловский начал незадолго до смерти писателя, когда стало уже очевидным, что болезнь окончательно сломила Успенского. Создавая мемуарный портрет писателя, Михайловский воспользовался материалами уже упоминавшегося «Дневника» доктора Синани. Сопоставление дневника с мемуарным текстом убеждает в намеренной корректировке медицинского свидетельства, осуществленной Михайловским. Физиологические подробности и врачебные колебания в диагностике недуга мемуарист оставляет в стороне. Михайловский выбирает из «Дневника» лишь описание бреда Успенского. В его воспоминаниях предстает образ страдающего писателя, продолжающего служить добру и истине даже в состоянии недуга.

Мемуары Михайловского были полемически направлены против тех, кто в конце XIX в. отрицал значение литературного поколения 1860–70-х гг. (поколения, к которому принадлежали и Успенский, и Михайловский). Одним из оппонентов в этом споре выступил в 1891 г. Розанов, разъяснявший в газете «Московские ведомости» «Почему мы отказываемся от “наследства 60–70-х годов”?» (№ 185. 7 июля) и «В чем состоит главный недостаток “наследства 60–70-х годов”?» (№ 192. 14 июля). Дело не ограничилось газетной полемикой. Узнав об обонятельных галлюцинациях больного Успенского (писателю чудился трупный запах), Розанов отозвался о них со свойственной ему метафоричностью: это «запах разложения души, темь души человеческой без бога» [цит. по: 15, с. 339–340]. Михайловский решительно отверг такую интерпретацию писательского недуга. Для него галлюцинации Успенского, ос-

таваясь порождением фантазии нездорового человека, исполнены высокого этического смысла. По словам мемуариста, Успенский мечтал о том, что «облетит вокруг земного шара, и этот подвиг так поразит людей, что все насильники и злодеи устыдятся, а униженные и оскорбленные воспрянут духом, и на земле наступит царствие Божие» [8, с. 146].

Вслед за воспоминаниями Михайловского появляются мемуары, написанные людьми, близко знавшими писателя и встречавшимися с ним во время его болезни, а именно: воспоминания С.Я. Елпатьевского (1907), В.Г. Короленко (1907), В.В. Тимофеевой (1907) и О.В. Аптекмана (1909). В этой группе воспоминаний болезнь Успенского осмысливается как мученичество, на которое обречен писатель, страдающий за неправды и грехи [4]. Сближение мемуаров об Успенском с житийным каноном сказалось в трактовке смерти писателя. Тимофеева вспоминала: «... я еще раз увидела его ... в гробу, в церкви Волкова кладбища. И чудное дело: лицо его опять преобразилось. <...> Он лежал как будто нетленный, по-прежнему гармоничный и ясный...» [13, с. 294]. Мемуаристы стремятся найти аналогии между русскими святыми и больным Успенским. Например, Короленко увидел в образе больного Успенского воплощение типа русских юродивых [6, с. 70].

Из мемуарной литературы образ Успенского – мученика, святого, подвижника – перешел в науку о литературе. А. Гизетти – автор книги «Писатель-подвижник Г. Успенский» (1922) – писал: «Мы непрестанно видим образ писателя-подвижника, отдавшего свою душу на муку крестную за народ и вместе с народом» [1, с. 4]. В дальнейшем советское литературоведение, преследуя антиклерикальные цели, отказалось от «житийного канона» в биографии Успенского. Показателен тот факт, что книга об Успенском, опубликованная в 1970 г., имеет вполне светское название, напоминающее о поэтике нравоучительных романов XVIII века, – «"Дорогой наш Глеб Иванович...": Повесть о многотрудной, но славной жизни Глеба Успенского, писателя» [7].

Однако традиция «канонизации» Успенского выдержала испытание временем и вновь обнаружила себя в современном романе Смирнова, начиная с дерзновенного названия – «Житие святого Глеба», заканчивая финалом, где «святость» писателя утверждается впрямую: «Он (бог – Т.Д.) перенес его в царство Божие, по образу и подобию которого Глеб создал свое. Он приобщил его к святости» [11, с. 412].

Выводы

Творческая индивидуальность Г.И. Успенского снова привлекает внимание филологов. «Смерть автора» (Р. Барт), по-видимому, не коснулась его: личность Успенского волнует современных литературоведов ничуть не меньше, чем его творчество. Ключ к разгадке Успенского пытаются отыскать в «последнем слове» писателя – в галлюцинациях, зафиксированных в «Дневнике» доктора Синани. В них видят то реализацию сексуальных страхов (Мондри), то – в согласии со сложившейся в мемуарной литературе традицией – окончательную победу духа над плотью (Смирнов).

Таким образом, очевидны две тенденции в восприятии Успенского. В западной русистике Успенский представлен как писатель, черпающий темы в маргинальном пространстве русской культуры (еврейский вопрос, проблемы пола и телесности). В отечественной филологии продолжается «канонизация» Успенского, включение его в ряд христианских подвижников. Несмотря на разность позиций, обоих авторов воодушевляет единая культуртрегерская задача – спасти Успенского от читательского забвения. Стоит процитировать финал «романа-воспоминания» Смирнова: «Ну вот, дорогой мой Глебушка, плохо ли, бедно я исполнил свой долг перед тобой, и перед собственной совестью, и перед Богом» [9, с. 412].

Литература

1. Гизетти А.А. Писатель-подвижник Глеб Успенский: Очерк жизни и творчества. Петроград, 1922. 64 с.
2. Глинка-Волжский А.С. Два очерка об Успенском и Достоевском. СПб., 1902. 192 с.
3. Давыдов О.В. Демон сочинительства. СПб. ; М., 2005. 581 с.
4. Дячук Т.В. Пасхальный мотив в литературных воспоминаниях о Г.И. Успенском // Печать и слово Санкт-Петербурга: Сб. научных трудов. СПб., 2008. С. 146–151.
5. Кречетова А.В. Проблемы искусства и литературы в творчестве Г.И. Успенского 1860–1880-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2015.
6. Короленко В.Г. Отошедшие (Об Успенском. О Чернышевском. О Чехове). СПб., 1908.
7. Миронов Г.М. "Дорогой наш Глеб Иванович...": Повесть о многотрудной, но славной жизни Глеба Успенского, писателя. Тула, 1970. 286 с.
8. Михайловский Н.К. Еще материалы для биографии Г.И. Успенского // Русское богатство. 1902. № 4. С. 132–156.
9. Мондри Г. Писатели-народники и евреи: Г.И. Успенский и В.Г. Короленко: (по следам "Двести лет вместе"). СПб., 2005. 173 с.
10. Пруцков Н.И. Г.И. Успенский // История русской литературы. Т. 3. Л., 1982. С. 621–653.
11. Смирнов В.Б. Житие святого Глеба: роман-воспоминание. Волгоград, 2008. 411 с.
12. Старостина Г.В. О продуктивности изучения структуры межжанровых образований (На материале очерка Г. И. Успенского «Волей-неволей») // Вестник Московского университета. Сер. 9. 1999. №1. С. 60–69
13. Тимофеева В.В. Г.И. и А.В. Успенские // Минувшие годы. 1908. № 2. С. 264–304.
14. Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: в 14 т. Т. X. Кн. 1. М., 1952.
15. Г. Успенский. М., 1939.
16. Шипилова Н.А. Поэтика очеркистики Г.И. Успенского (Цикл «Письма с дороги»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 22 с.
17. Mondry H. Pure, strong and sexless: the peasant woman's body and Gleb Uspensky. Amsterdam. New York, 2006. 283 с.

References

1. Gizetti A.A. *Pisatel'-podvizhnik Gleb Uspenskii: Ocherk zhizni i tvorchestva* [Ascetic writer Gleb Uspensky: Essay on the life and work]. Petrograd, 1922. 64 p.
2. Glinka-Volzhskaia A.S. *Dva ocherka ob Uspenskom i Dostoevskom* [The two essays on Uspensky and Dostoevsky]. St.-Petersburg, 1902. 192 p.
3. Davydov O.V. *Demon sochinitel'stva* [The Demon of writing]. St.-Petersburg; Moscow, 2005. 581 p.
4. Diachuk T.V. Paskhal'nyi motiv v literaturnykh vospominaniakh o G.I. Uspenskom [The Easter motif in literary memoirs about G.I. Uspensky]. *Pechat' i slovo Sankt-Peterburga*. [Printing and the word of St. Petersburg]. St.-Petersburg, 2008, pp. 146–151.
5. Korolenko V.G. *Otoshedshie (Ob Uspenskom. O Chernyshevskom. O Chekhove)* [The Detached (About Uspensky. About Chernyshevsky. About Chekhov)]. St.-Petersburg, 1908.
6. Krechetova A.V. *Problemy iskusstva i literatury v tvorchestve G.I. Uspenskogo 1860-1880-kh gg. avtoref. dis. ... k. filol. nauk* [The art and literature issues in the work of G.I. Uspensky 1860–1880s: Dr. dis.]. Saratov, 2016.
7. Mironov G.M. "Dorogoi nash Gleb Ivanovich...": *Povest' o mnogotrudnoi, no slavnoi zhizni Gleba Uspenskogo, pisatel'ia* ["Our dear Gleb Ivanovich ...": The Story of arduous but glorious life Gleb Uspensky, Writer]. Tula, 1970. 286 p.
8. Mikhailovskii N.K. *Eshche materialy dlia biografii G.I. Uspenskogo* [Another material for biographies of Gleb Uspensky]. *Russkoe bogatstvo* [Russian wealth], 1902, no. 4, pp. 132–156.
9. Mondri G. *Pisатели-narodniki i evrei: G.I. Uspenskii i V.G. Korolenko: (po sledam "Dvesti let vmeste")* [Writers populists and the Jews: G.I. Uspensky and V.G. Korolenko (in the footsteps of "Two Hundred Years Together")]. St. Petersburg, 2005. 173 p.

10. Prutskov N.I. *G.I. Uspenskii* [G.I. Uspensky]. *Istoriia russkoi literatury* T. 3 [The history of Russian literature]. V. 3. Leningrad, 1982. pp. 621 – 653.
11. Smirnov V.B. *Zhitie sviatogo Gleba: roman-vospominanie* [The life of St. Gleb: novel-recollection]. Volgograd, 2008. 411 p.
12. Starostina G.V. O produktivnosti izucheniiia struktury mezhzhanrovnykh obrazovani (Na materiale ocherka G. I. Uspenskogo «Volei-nevolei») [On the study of the structure of productivity inter genre formations (As exemplified in GI Uspensky essay "Willy-nilly")] *Vestnik moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University]. Series 9, 1999, no. 1, pp. 60–69.
13. Timofeeva V.V. G.I. i A.V. Uspenskie [G.I. and A.V. Uspensky]. *Minuvshie gody* [The years past], 1908, no. 2, pp. 264–304.
14. Uspenskii G.I. *Poln. sobr. soch.: v 14 t.* [The complete set of works in 14 volumes]. V. 10, B. 1. Moscow, 1952.
15. *G. Uspenskii* [Gleb Uspensky]. Moscow, 1939.
16. Shipilova N.A. *Poetika ocherkistiki G.I. Uspenskogo (Tsikl «Pis'ma s dorogi»): avtoref. dis. ... k. filol. nauk* [Poetics ocherkistiki G.I. Uspensky (The Cycle "Letters from the Road"): dr. dis.]. Voronezh, 2004. 22 p.
17. Mondry H. Pure, strong and sexless: the peasant woman's body and Gleb Uspensky. Amsterdam ; New York, 2006. 283 p.

Дячук Т.В. "История болезни" или "житие"? (биография Г.И. Успенского в мемуарах и современном прочтении) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №2(77). С. 90–95.

For citation: Diachuk T.V. "The case history" or "the life of saint"? (the biography of G.I. Uspensky in memoirs and modern interpretation). *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 2 (77), pp. 90–95.